

НЕ

ГУДОК

когда
нибудь
после

— И, Боже вас сохрани, не читайте до обеда советских газет.

— Да ведь других нет.

— Вот никаких и не читайте. Я произвёл 30 наблюдений у себя в клинике. И что же вы думаете? Те мои пациенты, которых я заставлял читать «Правду», теряли в весе. Мало этого, пониженные коленные рефлексы, скверный аппетит и угнетённое состояние духа. Да.

— Опять общее собрание сделали.

— Опять? Ну теперь, стало быть, пошло. Пропал дом. Всё будет как по маслу. Вначале каждый вечер пение, затем в сортирах замёрзнут трубы, потом лопнет паровое отопление и так далее.

Михаил Булгаков, 1925

Мы живем под собою не чуя страны...

Мы живем под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца, —
Там помянут кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.

Как подкову, дарит за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому
в глаз.

Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина.

Осип Мандельштам, 1933

Авторские права

(продолжение во второй колонке)

Я сегодня прочитал за завтраком:
«Все права сохранены за автором».
Я в отместку тоже буду щедрым —
Все права сохранены за ветром,
За звездой, за Ноевым ковчегом,
За дождем, за прошлогодним снегом.

Автор с общественным весом,
Что за права ты отстаивал?
Право на пулю Дантеса
Или веревку Цветаевой?
Право на общую яму
Было дано Мандельштаму.

Право быть чистым и смелым,
Не отступаться от слов,
Право стоять под расстрелом,
Как Николай Гумилев.

Авторов только хватило б,
Ну, а права — как песок.
Право на пулю в затылок,
Право на пулю в висок.

Сколько тончайших оттенков!

Выбор отменный вполне:
Право на яму, на стенку,
Право на крюк на стене,

На приговор трибунала,
На эшафот, на тюрьму,
Право глядеть из подвала
Через решетки во тьму,

Право под стражей томиться,
Право испытать клевету,
Право в особой больнице
Мучиться с кляпом во рту!

Вот они — все до единого, —
Авторы, наши права:

Право на пулю Мартынова,
На Семичастных слова,

Право как Блок задохнуться,
Как Пастернак умереть.

Эти права нам даются
И сохраняются впрямь.

...Все права сохранены за автором.

Будьте трижды прокляты, слова!
Вот он с подбородком, к небу задран-
ным,

По-есенински осуществил права!

Вот он, современниками съеденный,
У дивана расстелил газетины,
Револьвер рывком последним сгреб —
И пускает лежа пулю в лоб.

Вот он, удостоенный за книжку
Звания народного врага,
Валится под лагерною вышкой
Доходягой на снега.

Господи, пошли нам долю лучшую,
Только я прошу Тебя сперва:

Не забудь отнять у нас при случае
Авторские страшные права.

Иван Елагин

Предсмертное письмо Владимира Маяковского

«Москва. 12 апреля 1930 г.»

Всем

В том, что умираю, не вините никого
и, пожалуйста, не сплетничайте. По-
койник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите
— это не способ (другим не советую),
но у меня выходов нет.

Лиля — люби меня.

Товарищ правительство, моя семья —
это Лиля Брик, мама, сестры и Веро-
ника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь
— спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они
разберутся.

Как говорят —
«инцидент исперчен»,

любовная лодка
разбилась о быт.

Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень

взаимных болей,
бед

и обид.

Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский
12/IV 30 г.

Товарищи Вапповцы, не считайте
меня малодушным.

Серьезно — ничего не поделаешь.
Привет.

Ермилову скажите, что жаль — снял
лозунг, надо бы доругаться.

В. М.

В столе у меня 2000 руб. — внесите
в налог.

Остальное получите с Гиза.

В. М.

Баллада

об историческом недосыпе

Любовь к Добру сынам дворян жгла сердце
в снах,

А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда все пошло.

И, ошалев от их поступка дерзкого,
Он поднял страшный на весь мир трезвон.
Чем разбудил случайно Чернышевского,
Не зная сам, что этим сделал он.

А тот со сна, имея нервы слабые,
Стал к топору Россию призывать, —
Чем потревожил крепкий сон Желябова,
А тот Перовской не дал всласть поспать.

И захотелось тут же с кем-то драться им,
Идти в народ и не страшиться дыб.
Так родилась в России конспирация:
Большое дело — долгий недосып.

Был царь убит, но мир не зажил заново.
Желябов пал, уснул несладким сном.
Но перед этим побудил Плеханова,
Чтоб тот пошел совсем другим путем.

Все обойтись могло с теченьем времени.
В порядок мог втянуться русский быт...
Какая сука разбудила Ленина?
Кому мешало, что ребенок спит?

На тот вопрос ответа нету точного.
Который год мы ищем зря его...
Три составные части — три источника
Не проясняют здесь нам ничего.

Он стал искать виновных — да найдутся ли?
— и будучи спросонья страшно зол,
Он сразу всем устроил революцию,
Чтоб ни один от кары не ушел.

И с песней шли к Голгофам под знаменами
Отцы за ним — как в сладкое житье...
Пусть нам простятся морды полусонные,
Мы дети тех, кто не доспал свое.

Мы спать хотим... И никуда не деться нам
От жажды сна и жажды всех судить...
Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
Нельзя в России никого будить.

Наум Коржавин

В двадцатом удивительном столетии,
Польстившись на избраничества стимул,
Россия показала всей планете,
Что гений и злодейство совместимы.

Всегда в особый список заносили
Всех тех, кого сегодня я люблю,
Кратчайший путь в историю России
Проходит через пулю и петлю.

Игорь Губерман

НЕПУТЕВКА

Летают мухи низко, ответственный момент —
По всей земле Российской идет эксперимент.

Непутевка — в парадном убранстве: из уезда приехал в село
Капитан-предводитель дворянства и урядник с клинком наголо.
Донести повеление свыше до селян предводитель спешит:
«Старый барин на пенсию вышел, выбрать нового вам надлежит».
«Царь велел, — говорит урядник, — чтоб народ выбирал господ,
И я всех запру в курятник, кто господ не признаёт».

Местный писарь прослыл скандалистом: «Тут сомнение вышло меж нас,
Не уступка ли социалистам этот мудрый царёвый указ?»
Но уверенность в души вселяя, предводитель ответ дал простой:
«Демократия лишь укрепляет наш родной крепостнический строй».
«Слышь ты, писарь, — говорит урядник, — ты сомненья эти брось,
А не то запру в курятник, чтоб с народом был поврозь».

А народ разошелся — куда там: «Мы готовы, давно уж пора!
Мол, давай, выдвигай кандидатов, и Царю-государю — УРА!»
А простая старушка Анисья из-под носу слезинку смела:
«Юрьев день, — говорит, — дождался! Неужели же я дождала!»
«Эй ты, бабка, — говорит урядник, — ты язык-то прикуси!
А не то запру в курятник, как ведется на Руси!»

«Вот, — сказал предводитель дворянства, за портретиком слазив в карман, —
Граф Цимлянский, борец против пьянства, кандидат от Российских дворян».
«Стойте, стойте, — вдруг писарь заахал, — здесь же кворума нет, ой-ой-ой!
Без него не избрать даже графа, хоть дворянство и наш рулевой!»
«Ты, дупло! — говорит урядник, — что мне кворум — тьфу, ерунда!
Я его запру в курятник, ежели сыщется когда».

Вышла Фроська в цветастом наряде: «Мой мужик был бы барином — во!
Мы даем на семейном подряде пять оброков замест одного».
«Так уж лучше меня! — крикнул Степка, — а не Фроськиного пентюха.
Я налью православным по стопке, а масонам пуцу петуха!»
«Я вам кто? — прохрипел урядник, — я вам полицейский чин!
Щас запру вас всех в курятник без дознательства причин».

Кто-то гикнул, рванули рубаху, кандидатов сыскалось штук семь,
Но сперва дисциплиною пахло, а потом перестало совсем.
Выдвигали как в пьяном угаре, аж ворота сорвали с петель,
Кто-то крикнул: «А хрен ли нам барин! Дайте волю — устроим артель!»
По деревне ходит парень, вся рубаха в петухах!
Видно, парень очнь смелый — не боится ничего.

Писарь крикнул: «Свободу печати!», но народ его не поддержал,
Потому что глаголей, да ятей, всех крючков этих не уважал.
Но зато как услышал про волю, да с землицей, да чтоб при коне, —
То уж тут началось такое, что и мухи прижались к стерне.
«Вы, хамье, умойте хари! — предводитель зарычал. —
Отпишу, — говорит, — государю, эксперименты чтоб кончал».

Но стихию поди обуздай-ка! Заработав огромный фингал,
Только к ночи посредством нагайки всех в курятник урядник загнал.
А безвинной старушке Анисье в толчее повалили плетень.
Вот-те, бабушка, и «дождался», вот-те, бабушка, и «Юрьев день».

То березка, то рябина, куст ракиты над рекой,
Край родной, навек любимый, где найдешь еще такой!
Непутевка, Непутевка, ты родная сторона,
И никто нас не исправит, только мать-сыра земля!

Алексей Иващенко и Георгий Васильев

